

*Современный
любовный роман*

ВИП

Пациент

ЭЛЕНА МАКНАМАРА

Элена Макнамара

Вип пациент

«Литнет»

2025

Макнамара Э.

Вип пациент / Э. Макнамара — «Литнет», 2025

ДОБАВЛЕН БОНУС! Я думала, самое страшное в моей работе – сообщать плохие новости. Ошибалась. Самое страшное – это открыть дверь в VIP-палату и увидеть ЕГО. Амира Сафина. Бога хоккея. Кумира миллионов. Моего бывшего... Добро пожаловать в новую очень горячую историю про знойного хоккеиста и его характерную девушку) Хэппи энд - обязателен. Книга - участница литмоба «Время лечит»;

© Макнамара Э., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Мой VIP-пациент.	5
ВИЗУАЛ	8
Глава 2. Пусть будет она.	9
Глава 3. Профессионал.	13
Глава 4. Спор.	16
Глава 5. Муж.	19
Глава 6. Именинница.	23
Глава 7. Жжение.	27
Глава 8. Её нельзя просто взять.	30
Глава 9. Он остаётся моим.	34
Глава 10. Дождь и надежды	39
Глава 11. Деревяшка.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1. Мой VIP-пациент.

Ева

Новость о том, что в одной из VIP-палат находится какой-то суперважный пациент, прокатилась по клинике волной от приёмного покоя до кардиологии, а потом добралась и до неврологии.

Моей неврологии.

Моя VIP-палата – значит, мой пациент.

Не сказать, что у нас мало важных шишек лежит. Клиника Трофимова – место не для простых смертных. Депутаты, бизнесмены, жёны бизнесменов с мигренями из-за их тяжёлой жизни... Мы видели всё. Но сегодняшнее оживление, особенно среди женской части персонала, прямо скажем, зашкаливает.

Медсёстры шепчутся у поста, то и дело поглядывая в сторону VIP-крыла. Санитарка Зина, которой шестьдесят два и которую обычно не волнует ничего, кроме графика смен и сериала про султана, подкрашивает губы у зеркала в ординаторской. Молодая практикантка Лера уже дважды прошла мимо закрытой двери в конце коридора с очень важным видом.

Что, чёрт возьми, происходит?

Быстро переодеваюсь в ординаторской, застёгиваю халат, проверяю бейдж. «Е.С. Волжанская, врач-невролог». Всё на месте. Волосы собраны в низкий хвост, никакой косметики – впрочем, как обычно. Я на работе, а не на свидании.

Ловлю себя на мысли, что мне любопытно. Это плохой знак – любопытство не то качество, которое должно руководить врачом. Но ничего не могу с собой поделать: если уж Зина достала помаду, там точно кто-то интересный.

Главврач Сергей Борисович перехватывает меня в коридоре. Лично. Это само по себе странно – обычно карты пациентов передаёт старшая медсестра, а Сергей Борисович сидит у себя в кабинете и занимается важными административными делами. То есть пьёт кофе и ругается с бухгалтерией.

– Волжанская, – он берёт меня за локоть и отводит к окну, подальше от любопытных ушей. В руках у него тонкая папка с историей болезни. – Нам нужно поставить этого пациента на ноги как можно быстрее. Сроки минимальные, восстановление максимальное. И никакой огласки, никаких фамилий в разговорах с кем бы то ни было. Всё, что касается диагноза, лечения, прогнозов – только мне. Лично. Это понятно?

– Понятно, – киваю, хотя на самом деле ничего не понятно.

– Всё, идите.

Папка ложится мне в руки. Тонкая, почти пустая – пациента только оформили.

Иду по коридору, и мне кажется, что каблуки стучат по светлому кафелю слишком громко. Мимо поста медсестёр, мимо обычных палат, к той самой двери в конце крыла. VIP-палата: отдельный вход, отдельный санузел, кожаный диван для посетителей, панорамное окно с видом на море. Для особенных пациентов – особенные условия.

Открываю папку на ходу, пробегаю глазами по строчкам.

«Сафин, 32 года. Закрытая черепно-мозговая травма. Сотрясение головного мозга, предположительно средней степени тяжести. Требуется обследование, наблюдение...»

Сафин.

Рука замирает на дверной ручке.

Мало ли Сафиных. Распространённая фамилия, татарская. Много татар в стране – много Сафиных. Это ничего не значит. Совпадение. Однофамилец.

Толкаю дверь, всё ещё вчитываясь в текст. Не знаю, что вижу первым – его имя, отпечатанное на бланке, или его лицо...

Его массивное тело слишком большое для стандартной больничной кровати – даже VIPовской. Ноги почти упираются в изножье, широкие плечи гораздо шире подушки под головой. Руки лежат поверх белого одеяла, и на левой – от запястья до локтя – россыпь татуировок, которых десять лет назад не было.

А потом я смотрю на его лицо.

Те же скулы – резкие, как будто вырезанные из камня. Тот же упрямый подбородок, только теперь его пересекает тонкий белый шрам. Тёмные волосы коротко стрижены на висках. А глаза – зелёные, яркие, невозможные – смотрят прямо на меня.

Несколько секунд, которые длятся целую вечность. Пол уходит из-под ног. Окружающее пространство слегка плывёт перед глазами.

«Это просто острая стрессовая реакция, – услужливо подсказывает врачебная часть мозга. – Выброс адреналина, перераспределение кровотока, лёгкое головокружение – классическая симптоматика».

«Заткнись», – отвечаю я врачебной части.

Амир Сафин.

Господи боже...

Амир.

Он узнаёт меня не сразу. Может, свет из окна слепит его, и он не может рассмотреть моё лицо. Может, не ожидал увидеть меня здесь – в этом городе, в этой клинике, в своей палате. А может – и от этой мысли становится больше всего – просто не помнит моё лицо так хорошо, как я помню его.

Несколько секунд он смотрит на меня, чуть прищурившись, словно силится разглядеть что-то сквозь туман. А потом зелёные глаза расширяются.

– Ева?

Голос хриплый и низкий. Такой же, как десять лет назад, только грубее, глубже, взрослее. Моё имя, произнесённое его голосом. Десять лет я его не слышала...

Выпрямляю спину и заставляю пальцы разжаться – я чуть не смяла его историю болезни.

– Ева Сергеевна, – поправляю ровным тоном. Голос звучит почти нормально, и это маленькая победа. – Я – Ваш лечащий врач. Как Вы себя чувствуете?

Он смотрит на меня долго, не отрываясь, с непонятным выражением на лице. Я не могу прочесть его эмоции. Удивление? Недоверие? Что-то ещё?

Пять секунд. Десять.

Я выдерживаю этот взгляд. Я – врач, я умею выдерживать тяжёлые взгляды. Пациентов, которым сообщаешь плохие новости. Их родственников, которые отказываются верить. Я справлялась и не с таким, справлюсь и сейчас.

Но потом его лицо меняется. Мягкость – если она вообще там была – исчезает, словно кто-то выключил свет. Челюсть каменеет, желваки проступают под смуглой кожей. Глаза становятся холодными, чужими, колючими.

– Мне нужен другой врач, – заявляет безапелляционным тоном.

Голос ровный и жёсткий – голос человека, который привык, что его приказы выполняют немедленно. Тон звезды, которой не отказывают.

Что-то внутри меня обрывается. Это глупо – я сама не хочу его лечить, и я должна была сказать об этом первой. Но то, что он успел раньше, больно царапает где-то глубоко, в том месте, которое я считала давно зажившим.

Десять лет прошло. Не должно быть больно.

– Легко, – говорю я.

И голос у меня не дрожит. Ещё одна маленькая победа.

Разворачиваюсь и иду к двери. Несколько шагов по светлой плитке. Каблуки стучат слишком громко в оглушительной тишине палаты. Или это моё сердце так грохочет? Дверная ручка почему-то кажется холодной.

– Ева.

Не оборачиваюсь.

Выхожу.

Дверь закрывается за моей спиной мягко, почти беззвучно – хорошие двери в VIP-отделении, дорогие. И только тогда, когда между нами оказывается стена, я позволяю себе развалиться на части.

Прислонившись спиной к холодному дереву двери, зажимаюсь. Сердце колотится где-то в горле. Воспоминания накатывают вместе с тошнотой...

Его съёмная квартира пахнет кофе и немного – хоккейной формой, которую он вечно забывает вытащить из сумки. Мы лежим на узкой кровати, моя спина прижата к его груди, и я чувствую каждый удар его сердца – спиной, всем телом, кажется, даже костями.

– Я люблю тебя, – шепчет Амир мне в волосы. – Слышишь? Люблю.

На безымянном пальце у меня тонкое кольцо с крошечным камушком. Это не бриллиант. Молодой хоккеист на скромном контракте – он пока не может позволить себе бриллианты. Но мне всё равно, я и колечко из проволоки готова носить.

– Мы поженимся, – говорит он, и его рука крепче обнимает меня за талию. – Сразу, как только заключу этот контракт. В июне. Хочешь в июне?

– Хочу.

Я хочу всего. Его – каждый день, каждую ночь. Эту крошечную квартиру с протекающим краном на кухне и соседями, которые ругаются за стеной по вечерам. Его сумасшедший график – тренировки, сборы, перелёты. Даже его мать, которая смотрит на меня, как на пустое место. Я готова взять всё оптом, не торгуясь, потому что так люблю его, что не понимаю, как это чувство помещается в моей груди.

– В июне, – повторяет Амир и целует меня в висок. – Обещаю.

Открываю глаза.

Белый потолок. Мягкий свет люминесцентных ламп. Запах антисептика.

Тот июнь был десять лет назад, и свадьба не состоялась.

Отлепляю себя от двери и одёргиваю халат. Нужно идти к главврачу, объяснять, почему VIP-пациенту срочно нужен другой невролог. Интересно, как это лучше сформулировать? «Мы были помолвлены»? «Он разбил мне сердце»? Или сказать честно: «Боюсь, что убью его»?

Каблуки стучат по кафелю, голова гудит, а перед глазами до сих пор стоит его лицо – повзрослевшее, чужое, холодное.

Но я справлюсь. Я всегда справляюсь. Это просто пациент. Несостоявшийся пациент. И бывший жених.

Десять лет прошло, целая жизнь. Всё в прошлом.

Всё.

ВИЗУАЛ

АМИР РИНАТОВИЧ САФИН, 32 года

Внешность:
 Рост 192 см, крепкое мускулистое телосложение хоккеиста. Тёмные волосы, коротко стриженные на висках. Зелёные глаза — яркие, запоминающиеся. Шрам на подбородке. Татуировки на левой руке от запястья до локтя, татуировки на груди. Смуглая кожа — татарин. Выглядит грозно, особенно когда хмурится. Ямочки на щеках, когда улыбается.

ЕВА СЕРГЕЕВНА ВОЛЖАНСКАЯ, 30 лет

Внешность:
 Блондинка, голубые глаза. Стройная, среднего роста. Считает себя обычной.

Скоро мы познакомимся с друзьями Амира из команды)

Добро пожаловать в новую историю!

Глава 2. Пусть будет она.

У нас тут сегодня сокомандники подъехали)

Аварский и Ломов:

Амир

– Сафин, ты живой, или тебя уже потрошат?

Дверь распахивается, и в палату входит Аватар – Макс Аварский – собственной персоной. За ним молча всплывает Лом, и сразу становится тесно. Кирилл Ломов – два метра мышц и татуировок, лицо как у серийного убийцы на отдыхе. Молчит. Он всегда молчит.

– Охренеть... – Макс оглядывает палату, присвистывает. – Вип-хоромы. Диванчик кожаный, вид на море. Может, мне тоже башкой приложиться?

– Попробуй, – усмехаюсь. – Тебе полезно.

– Не, у меня там мозг. Жалко.

– С чего ты взял, что он там есть?

Макс ржёт и падает на диван, закидывая ноги на подлокотник. Дорогие кроссовки, часы за три ляма – Аватар любит повыёбываться. Семья у него – деньги, нефть, ещё какая-то муть. Сам он в хоккее только потому, что реально талантлив. Иначе давно бы уже сидел в совете директоров и страдал от скуки.

Лом молча подходит к окну, встаёт, скрестив руки на груди, и смотрит на море. Или не смотрит – хрен его поймёшь. После операции он стал ещё более непробиваемым. Молчит неделями, а потом выдаёт какую-нибудь фразу – и она бьёт как кувалда.

– Ну? – Макс вскидывает брови. – Рассказывай. Чё там врачи говорят? Жить будешь?

– Сотрясение средней тяжести. Обследование, наблюдение. Обычная хрень.

– А играть?

– Не знаю пока.

– Бля-я-я... – тянет Макс. – Тренер тебя убьёт. Потом меня. Потом ещё раз тебя.

– Переживу.

– Ты – да. А мы без тебя финал как вытаскивать будем? – он качает головой. – Лёха слёг, теперь ты. Может, нас проклял кто?

Лом поворачивает голову от окна и выдаёт:

– Кравцов.

Одно слово. Но мы оба понимаем, о чём он.

Кравцов из «Спарты». Наш оппонент на прошлом матче.

– Видел момент, – кивает Макс. – Чистый силовой, не подкопаешься. Но этот хряк знал, что делает. Специально тебя выцеливал весь матч.

– Знаю.

– И чё? Терпила ты, Сафин. Я бы ему ебало начистил.

– Ты бы удаление получил. И мы бы продули.

– Зато красиво.

Лом хмыкает. Для него это почти смех. Макс достаёт телефон, листает что-то.

– О, слушай, про тебя уже пишут. «Капитан «Легиона» госпитализирован после полуфинала. Участие в финале под вопросом». И фотка твоя – та, где ты злой.

– Я на всех фотках злой.

– Не, ну на этой особенно. Комментарии хочешь почитать?

– Нет.

– Правильно. Там половина – «Сафин, красавчик, выздоравливай», а половина – «Так ему и надо, зазвездился». Классика жанра.

Неожиданно слышится звук открывающейся двери. Мы все поворачиваем головы. На пороге – медсестра. Молодая, смазливая, явно волнуется. Смотрит на меня, потом на Лома – и слегка бледнеет.

Понимаю её. Кирилл в хорошем настроении выглядит так, будто собирается кого-то закопать. В плохом – будто уже закопал.

– Амир Ринатович, – голос у неё подрагивает, – Вам нужно пройти МРТ. Через двадцать минут.

– Понял.

Она кивает и сбегает. Макс провожает её взглядом.

– Симпатичная.

– Ты женат.

– Я в разводе, – поднимает указательный палец.

Мы с Ломом смотрим на него, не скрывая скептицизма. В разводе он, ага. У них там с бывшей чёрт ногу сломит в отношениях.

Лом снова хмыкает. На этот раз явно осуждающе.

– А я уже видел твоего лечащего врача, – Макс вдруг меняет тему. – Она прям секси, Сафин.

И эта тема мне совсем не заходит.

– Где видел?

– В коридоре. Она нас к тебе провожала.

Мм...

Болезненно морщусь. То ли башка болит, то ли самолюбие раскалывается от фантомной боли. Сука! Десятилетней давности!

– Я попросил замену, – говорю ровно.

Макс вытаращивается.

– Ты ёбнулся? Почему?

– Не твоё дело.

– В смысле – не моё? Тебе тут лежать неделю, может, и больше. С красивым врачом веселее!

– Макс.

– Чего?

– Заткнись.

Он осекается. Смотрит на меня странно – я редко так с ним разговариваю. Мы друг другу дерьма много говорим, это нормально. Но сейчас у меня совсем другой тон, и он это слышит.

Лом отлипает от окна. Подходит к кровати, смотрит на меня сверху вниз.

– Знаешь её?

Всего два слова. Бьют как кувалда.

Молчу. Лом кивает, будто я уже ответил, и отходит обратно к окну. Макс переводит взгляд с него на меня.

– Э, подождите. Что? Ты её знаешь? Откуда?

– Неважно.

– Да как неважно-то? Лом спросил – значит, важно. Он вообще никогда ни о чём не спрашивает!

– Макс, – голос Лома низкий, тяжёлый. – Отъебись.

Макс открывает рот, закрывает. Поднимает руки.

– Всё, молчу. Но ты, – тычет в меня пальцем, – потом расскажешь. Я тебя знаю столько лет, Сафин. От меня же не отмажешься.

Не отвечаю.

Он не знает. Никто не знает про Еву – я эту историю похоронил давно и глубоко. Ни одному журналисту, ни одному другу не рассказывал.

Молодой хоккеист, влюблённость, помолвка, она сбежала – звучит как дешёвая драма. Мне хватило тогда. Переживать это заново – нахуй.

Дверь снова открывается. Седой мужик в белом халате, представительный.

– Сафин Амир Ринатович?

– Да.

– Сергей Борисович, главврач клиники. Мы можем поговорить наедине?

Макс с Ломом переглядываются.

– Мы в коридоре будем, – Макс хлопает меня по плечу. – Не сдохни тут без нас.

– Постараюсь.

Лом молча кивает и выходит первым, Макс за ним. В дверях он оборачивается и бросает грозный взгляд на главврача.

– Этого парнишку через пять дней на ноги поставить нужно. Сможете?

Сергей Борисович неоднозначно взмахивает руками.

– Сделаем всё, что от нас зависит.

– Слышал? – Макс переводит взгляд на меня. – Говорил же: в Москву надо было лететь. Дома медики лучше.

Бля... Выйди уже!

Вижу, что слова моего друга сильно задевают врача. На его шее проступают бордовые пятна.

Макс наконец выходит.

С минуту Сергей Борисович сканирует меня нечитаемым взглядом, застыв посреди палаты, словно истукан. Потом выдаёт:

– Мне передали, что Вы просите заменить лечащего врача.

Вот оно. Понеслось...

– Да. Это проблема?

– Дело в том, что Ева Сергеевна – лучший невролог нашей клиники. С Вашей травмой – вторым сотрясением за сезон – нужен именно такой специалист.

Сжимаю челюсти.

Паршиво мне не от того, что она лучшая... Хотя нет, это тоже паршиво.

– У Вас есть претензии к доктору Волжанской? Непрофессионализм, грубость? – продолжает он.

– Нет.

– Тогда в чём причина?

Смотрю в потолок. Белый, скучный.

– Личная.

Главврач вздыхает.

– Ваш клуб заинтересован в Вашем скорейшем выздоровлении. Да и Вы тоже, правильно? От результатов лечения зависит многое – для Вас в первую очередь. Ева Сергеевна – лучший вариант. Подумайте.

Идёт к двери.

Чувствую себя дерьмово... Как котёнка в ссаку макнул. Мол, твоя гордость, Сафин, выше здоровья, что ли?

Да и выглядит это со стороны не как приступ гордости, а как нездоровая шиза.

– Сергей Борисович, – останавливаю его.

Оборачивается.

– Когда я смогу играть?

Смотрит на меня. Усмехается невесело.

– Это Вам после обследования скажет лечащий врач. Кого бы Вы ни выбрали.

– Хорошо, тогда пусть будет Волжанская.

Пусть будет она...

И я, сука, точно пожалею об этом!

Девчата! История участвует в крутом литмобе "Время Лечит". Хочу пригласить вас в новинку Лены Весны к горячему дикому доктору))

https://litnet.com/shrt/jZ_8

Глава 3. Профессионал.

Ева

На посту медсестёр творится что-то странное. Леночка с Оксаной прилипли к экрану компьютера и смотрят так, будто там не рабочая программа, а как минимум голый Райан Гослинг.

Подхожу ближе. На экране – хоккейный матч. Кто-то кого-то впечатывает в борт, шайба летит в ворота, трибуны орут.

– Это что у нас? – спрашиваю я.

Леночка подпрыгивает на стуле.

– Ева Сергеевна! Мы просто... Это же вчерашний матч. Тот самый, где Сафина... – она осекается, краснеет. – Мы на перерыве!

– Вижу.

Тем временем на экране появляется Амир крупным планом. Он в шлеме, капа во рту, взгляд сосредоточенный. Потный, злой, в какой-то боевой раскраске – полоски чёрного цвета под глазами. Форма облепляет плечи так, что сразу понятно, под ней не жир, а сплошные мышцы.

– Красавчик, да? – выдыхает Оксана. – Я бы ему своё сотрясение организовала.

– Оксана, – одёргиваю её. – Это пациент.

– Ну и что? Смотреть-то можно.

Телефон вибрирует в кармане. Сообщение от Сергея Борисовича: «Пациент Сафин согласился на Вас. Сейчас он на МРТ. Жду с результатами».

Согласился, значит.

Снова смотрю на экран компьютера – там Амир забивает гол и несётся к борту, вскидывая руки. Команда налетает на него, обнимает, хлопает по шлему. Он улыбается – широко, с ямочками этими чёртовыми.

Отворачиваюсь.

– Перерыв уже закончился, – бросаю я и иду к лифту.

Кабинет МРТ находится на первом этаже, в отдельном крыле. Толкаю дверь в операторскую – там Виталик, наш рентгенолог, уже запустил сканирование.

– Ева Сергеевна, – он крутится на стуле. – К Сафину? Только начали, минут двадцать ещё.

– Подожду.

Сажусь рядом, смотрю на экран. Срезы мозга в реальном времени – серое, белое, извилины, желудочки. Для меня это – как читать книгу. Бабушка научила – капитан медицинской службы Волжанская, военный нейрохирург с тридцатилетним стажем. Она таскала меня в свой госпиталь с двенадцати лет, совала в руки снимки и говорила: «Смотри, Евочка. Видишь тень? Это не просто пятно. Это чья-то жизнь. Научись читать – научись спасать».

Я научилась.

Через стекло вижу Амира – лежит в трубе аппарата неподвижно, только ступни торчат наружу. Большие ступни.

– Виталик, сделай мне ещё диффузионно-взвешенные последовательности. И ангиографию. И распечатай на плёнку, хочу посмотреть руками.

– На плёнку? – он удивлённо поднимает брови. – Ева Сергеевна, у нас же всё цифровое. Кто сейчас с плёнки смотрит?

– Я смотрю.

Он пожимает плечами и кивает. Знает, что спорить бесполезно.

Плётка – это бабушкино. Она говорила: «Компьютер покажет то, что запрограммирован показать. А ты должна видеть то, что есть». Может, старомодно. Но я до сих пор ловлю на плётке то, что иногда пропускаю на экране.

Двадцать минут тянутся медленно. Слежу за снимками, делаю пометки. Виталик молчит – знает, что я не люблю болтовню во время работы. Наконец аппарат замолкает. Стол выезжает из трубы. Амир садится, и я вижу его лицо через стекло – бледное, напряжённое.

– Я к пациенту, – говорю Виталику. – Снимки на почту, и плётку не забудь.

Выхожу в коридор, захожу в кабинет МРТ. Амир сидит на краю стола, свесив ноги вниз. Больничная пижама – синяя, мешковатая – на нём смотрится как дизайнерский костюм.

Несправедливо. Так не бывает.

– Как себя чувствуете? – спрашиваю ровно.

Поднимает голову. Зелёный взгляд в упор. Несколько секунд молчит.

– Нормально.

– Голова кружится? Тошнит?

– Немного.

– Это нормальная реакция после МРТ. Пройдёт. Можете пока посидеть.

Делаю запись в блокноте, чувствуя его взгляд – тяжёлый, давящий.

– Ева.

– Меня зовут Ева Сергеевна. Или доктор Волжанская.

– Доктор Волжанская, – произносит так, будто выплёвывает горькое. – Когда я смогу играть?

– Я ещё не видела снимки.

– Ты на них пялилась двадцать минут.

Поднимаю глаза. Он смотрит на стекло операторской.

Чёрт.

– Предварительно – без грубых повреждений, – говорю сухо. – Но нужны дополнительные обследования. Нейропсихологическое тестирование, вестибулярные пробы, осмотр окулиста.

– Сколько?

– Два-три дня на диагностику. Потом посмотрим.

– Финал через пять дней.

– Я в курсе.

Он спрыгивает со стола. Его ведёт в сторону, но он тут же выравнивается. Не покажет свою слабость, даже если ноги подкашиваются.

– То есть можешь не успеть поставить меня на ноги.

– Я сделаю всё, что от меня зависит. Остальное будет зависеть от Вашего организма и Вашего поведения.

– Моего поведения? – вскидывает брови.

– Постельный режим. Никаких телефонов, телевизоров, яркого света. Минимум раздражителей. Сон, покой. Будете соблюдать – шансы окажутся выше, и...

– Понял, – обрывает резко.

Подхожу ближе. Достаю из кармана фонарик.

– Присядьте и посмотрите на свет.

Он медленно садится и смотрит на фонарик. Свечу в глаза – левый, правый. Зрачки реагируют нормально. Но смотреть в эти глаза с такого расстояния – пытка. Та же зелень. Тот же взгляд. Десять лет, а я до сих пор помню.

– Реакция зрачков в норме, – говорю и отступаю.

Его рука вдруг перехватывает моё запястье.

Замираю.

Пальцы горячие, сухие, жёсткие. Обхватывают так, что чувствую его пульс. Или свой. Не разберёшь.

– Почему ты здесь? – голос низкий, тихий.

Смотрю на его руку. Потом на него.

– Отпустите.

– Ответь.

– Я работаю здесь. Отпустите, пожалуйста.

Несколько секунд он не двигается. Потом разжимает пальцы. На запястье остаётся след – не синяк, просто ощущение. Фантомное тепло.

– Вас проводят в палату, – говорю ровно. – Отдыхайте.

Иду к двери.

– Ева.

Не оборачиваюсь.

– Почему в этом городе?

Останавливаюсь у двери. Рука на ручке.

– А где мне ещё быть? – спрашиваю тихо. – В Москве?

Он молчит.

Выхожу и закрываю дверь. В коридоре пусто. Смотрю на запястье – туда, где были его пальцы. Ничего не видно. Но я чувствую.

Делаю вдох. Выдох. Потом расправляю плечи и иду к себе в кабинет – посмотреть плёнку, писать назначения, делать свою работу.

Я – профессионал.

Я справлюсь.

Ну подумаешь, какой-то бывший жених...

Пока Ева там приходит в себя и готовится к новому раунду с Амиром, приглашаю вас в ещё одну историю нашего классного моба!

УЧИ МЕНЯ

<https://litnet.com/shrt/2WX2>

Глава 4. Спор.

Амир

Десять лет назад

– Эй, Сафин! Готов продуть?

Оборачиваюсь. В коридоре под трибунами стоит Волжанский – капитан «Северных Волков». Самодовольная рожа, серебряная цепь поверх формы. Рядом с ним двое из его команды, ржут.

Данила Волжанский играет неплохо, но большие понтуется. Бесит меня с первого дня в лиге.

– Это вы готовьтесь, – отвечаю, не сбавляя шаг.

– Да ладно, – Волжанский догоняет, идёт рядом. – Вы же лузеры из ниоткуда. Сафин, Ломов, Аварский – звучит как начало анекдота.

Макс за моей спиной напрягается. Чувствую – ещё слово, и кинется. Лом молчит, но от его молчания воздух густеет.

– Спорим? – Волжанский ухмыляется. – Если мы выиграем – заберу твою новенькую бэжу. Видел на парковке, красивая тачка.

Останавливаюсь.

Бэха – первая машина, которую купил сам. На свои. Мать не верила, отец ржал – думали, в кредит влез. А я просто пахал два года.

– А если мы? – спрашиваю я.

Волжанский скалится.

– Не выиграете.

– А если?

Он смотрит на меня, прищурившись. Они два года в лиге, мы – первый сезон. Думает, раздавит нас.

– Ну давай, – заявляет самодовольно. – Что хочешь?

Думаю всего секунду. И выдаю:

– Твою сестру.

Макс за спиной давится воздухом. Волжанский перестаёт улыбаться.

– Чего?

– Трахну твою сестру. И ты мне в этом поможешь.

Повисает тишина. Все просто охренели.

Сестру Волжанского я видел один раз – она приходила на матч месяц назад. Сидела на трибуне с учебниками, пока все орали и пили пиво. Блондинка, надменный взгляд поверх голов. Студентка меда – сказал кто-то.

Я тогда подкатил к ней после игры – так, по приколу. «Девушка, автограф не нужен?» Она подняла глаза от книжки, смерила меня взглядом и сказала: «Нет, спасибо. Я не собираю». И снова уткнулась в учебник.

Меня послали. При всех. Какая-то заучка, которая считает себя выше хоккеистов.

– Ты охуел, – медленно говорит Волжанский.

– Спор есть спор. Или не уверен в своей команде?

Его лицо заливают краской. Кулаки сжимаются, челюсть дёргается. Его парни неловко переглядываются.

– Она тебе не даст! – выплёвывает он.

– Это моя проблема. Но ты поможешь. Познакомишь нормально, расскажешь, какой я охуенный. Придумаешь что-нибудь.

Макс ржёт в голос. Даже Лом хмыкает. А Волжанский молча буравит меня взглядом. Потом усмехается криво.

– Идёт. Но когда продуете – ключи от тачки принесёшь мне лично.

– Договорились.

Он уходит. Свита тянется следом.

– Ты ебанутый, – говорит Макс с восхищением. – Реально ебанутый.

– Надо выиграть.

– Выиграем, – небрежно роняет Лом.

Через два часа мы их размазываем. Четыре-один. Я забиваю две шайбы.

После матча ловлю Волжанского в раздевалке. Он сидит на скамейке, уставившись в пол. Форма мокрая, лицо серое.

– Эй, – говорю я. – Должок.

Поднимает голову. В глазах – ненависть.

– Пошёл на хуй, Сафин.

– Спор есть спор. Ты мужик или кто?

Несколько секунд мы смотрим друг на друга, не скрывая презрения. Потом он встаёт, подходит ближе.

– Ладно. Помогу. Но если обидишь её – убью.

– Не обижусь.

Просто трахну.

Он хмыкает.

– Через неделю у Евы день рождения. Скажу ей, что ты мой друг. Что ты нормальный. Остальное – сам.

Киваю.

– И Сафин, – он смотрит мне в глаза. – Она не такая, как ты думаешь. Не надменная. Просто... защищается. Не сломай её.

Наши дни.

Открываю глаза.

Белый потолок. Свет приглушён. В голове – тупая пульсирующая боль.

Десять лет.

Данила Волжанский.

Через неделю после того разговора я пришёл к ним домой на день рождения. Ева смотрела на меня с подозрением – откуда взялся этот друг Данилы, которого она никогда не видела? Но брат старался. Хвалил меня, шутил, подливал ей вино. Делал всё, чтобы сестра расслабилась.

А я смотрел на неё и понимал – нет... не просто трахну.

Дверь открывается. Макс заглядывает в палату.

– Не спишь? Мы с Ломом пожрать принесли.

Сажусь на кровати. Голова кружится, но терпимо.

– Заходите.

Они вваливаются – Макс с пакетами, Лом с бутылкой воды.

– Держи, – Макс вываливает на тумбочку контейнеры. – Курица, рис, овощи. Всё по диете.

– Спасибо.

Открываю контейнер, набрасываюсь на жаренку.

– Ну чё там с врачихой? Другую дали? – Макс плюхается на диван.
– Нет, эту оставил, – отзываюсь невесело.
– Слушай, – он понижает голос, – может, тебе тоже кусок мозга вырежут? И будешь как Лом. Молчаливый, загадочный. Бабам такие нравятся.
Лом поворачивает голову. Смотрит на Макса тяжело.
– У меня была менингиома.
– Да я помню, помню, – Макс машет рукой. – Операция прошла успешно. Ты здоров как бык. Просто говоришь мало.
– Мне не о чем с тобой говорить.
– Вот! – Макс тычет в него пальцем. – Вот это я и имею в виду. Две фразы за раз – и обе обидные.
Лом отворачивается к окну. Очевидно, разговор окончен...
– Так что там с врачихой? – Макс снова переключается на меня. – Я погуглил. Волжанская Ева Сергеевна, тридцать лет, кандидат наук. Реально крутой спец.
Молчу.
Ох, Аватар, вечно ты лезешь туда, куда совсем не надо.
– Волжанская, – повторяет он медленно. – Волжанский... Данька Волжанский из «Волков». Это его сестра, что ли?
Не отвечаю. Макс сканирует меня взглядом, и я своим тупым молчанием палюсь.
– Бля... – Макс откидывается на спинку. – Я помню ту историю. Вы с ним поспорили. На твою тачку и на его сеструху. И ты выиграл. А потом...
Он замолкает. Смотрит на меня выпученными глазами.
– Это она? Та девчонка, которую ты... Но ты же вроде спор аннулировал. Блин, я тогда в Америку свалил, не помню конца истории.
И это хорошо. Лом в то время тоже уехал. Они оба подписали контракты.
– Макс, – голос Лома как гром, – заткнись.
– Да хорош. Мы чё, не друзья, что ли?..
Вполуха слушаю их перебранку, в которой больше вещает Аварский, само собой. Беру телефон с тумбочки. Экран бьёт по глазам – ярко, больно.
– Тебе нельзя, – говорит Лом.
– Знаю. Но мне надо.
Открываю гугл. Набираю: «Данила Волжанский хоккеист».
Первая ссылка – старая статья. «Данила Волжанский завершил карьеру». Семь лет назад.
Вторая ссылка...
Моргаю ошарашенно. Читаю ещё раз.
«Бывший хоккеист Данила Волжанский найден мёртвым».
Три года назад.
– Сафин? – голос Макса откуда-то издалека. – Ты чего побелел?
Смотрю на экран. Буквы расплываются.
Данила Волжанский мёртв.
Брат Евы мёртв.
Как так-то, блять?..
Дорогие читатели, лайк книге очень мотивирует писать больше и чаще)) Если нравится история, пожалуйста вклейте мне звёздочку!

**Следующая история нашего моба с очень интригующим названием
А ЕСЛИ НАС НИКОГДА НЕ БЫЛО?**

<https://litnet.com/shrt/V21x>

Глава 5. Муж.

Ева

Мой график – издевательство. Официально – три дня в неделю приём и два дня консультации в стационаре. Неофициально – я здесь живу. Особенно, когда в VIP-палате лежит пациент, от которого зависит контракт клиники с хоккейным клубом.

И особенно, когда этот пациент – Амир Сафин.

На часах уже восемь вечера, а я всё ещё тут. Мне нужно провести осмотр. Но уже целый час я придумываю себе причины, почему пока не могу этого сделать.

Снимки не так разложила – переложила.

Назначения не перепроверила – перепроверила.

Кофе не допила – допила, сварила новый, тоже допила.

Туалет... Ладно, в туалет я ходила три раза.

Хватит.

Встаю из-за стола, одёргиваю халат, проверяю, что фонарик и молоточек в кармане. Иду по коридору. Каблуки стучат слишком громко в вечерней тишине – большинство врачей уже разошлись. У двери в его палату останавливаюсь.

Вдох. Выдох.

Толкаю дверь.

Амир стоит у окна спиной ко мне. Без пижамной рубашки, только штаны. Татуировки на левой руке видны полностью – от запястья до плеча. Вся рука чёрно-серая. Какие-то узоры, надписи... Раньше их не было.

Крепкие мышцы спортивного тела перекачиваются под кожей, когда он поворачивается. И я упираюсь взглядом в его широкую грудь, тоже расписанную татуировками.

– Вечерний осмотр, – бормочу себе под нос, резко поднимая взгляд к его лицу. – Как себя чувствуете?

– На «Вы» – значит, злишься.

– Я на работе. Как голова?

– Лучше.

Он подходит ближе. Я отступаю к двери – рефлекторно. Он замечает, усмехается.

– Боишься меня?

– Мне нужно провести осмотр.

– Проводи.

Стоит слишком близко. Я чувствую тепло его тела, запах. И пахнет он не больничным мылом, а дорогим парфюмом. Друзья привезли?

– Сядь, – командую я. – На кровать.

– А «пожалуйста»?

– Сядь, пожалуйста, или я уйду и вернусь завтра утром.

Надоела уже вся эта фамильярность. Хочешь по-простому? Вот, получай!

Он садится. Смотрит на меня снизу вверх, и от этого взгляда мне будто бы перекрывают воздух. Внутренне подсобравшись, достаю фонарик, свечу в глаза. Зрачки реагируют нормально.

– Смотри вправо. Влево. Вверх. Вниз.

Он выполняет молча. Я проверяю рефлексы, координацию, задаю стандартные вопросы. Всё в норме. Динамика положительная.

– Ну? – спрашивает он, когда я убираю молоточек.

– Лучше. Но это не значит, что ты здоров.

– Это значит, что я выйду отсюда через четыре дня и сыграю финал.

– Это значит, что мы продолжим наблюдение.

– Ева.

– Ева Сергеевна, – уже по инерции бодаюсь.

– Ева, – повторяет он жёстче. – Мне похуй на наблюдение. Через четыре дня – финал.

Я должен играть.

– Ты должен вылечиться.

– Мне уже лучше.

– Лучше – не значит здоров. У тебя второе сотрясение за сезон. Если выйдешь на лёд раньше времени и получишь третье...

– Не получу.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я – лучший.

Самоуверенный, упрямый, невозможный. Ничего не изменилось за десять лет.

– Ты – идиот, – говорю спокойно. – Самоуверенный идиот.

– Это комплимент? – хмыкает Амир.

– Это диагноз.

Он встаёт. Резко, быстро – я не успеваю отступить. И идёт прямо на меня. Пячусь назад и врезаюсь спиной в стену. Его руки упираются в эту же стену по обе стороны от моей головы.

– Тогда вылечи меня, доктор, – тяжело смотрит мне в глаза.

– Амир...

– Вылечи. За четыре дня. Ты же лучшая, так? Сергей Борисович сказал – лучший невролог в клинике.

– Я не могу нарушить медицинский протокол.

– Можешь. Если захочешь.

– Я не хочу.

– Почему?

– Потому что это незаконно. Потому что это опасно. Потому что...

– Потому что это я?

Он наклоняется ближе. Его дыхание касается моих губ.

– Ты нарочно, да? – голос низкий, хриплый. – Ты хочешь держать меня здесь, чтобы я не сыграл. Чтобы отомстить.

– Ты в себе, Сафин?

– А что мне думать? Десять лет молчания, и вдруг ты – мой врач. Удобно.

– Я не выбирала тебя своим пациентом!

– Но и не отказалась.

– Потому что я – профессионал!

– Профессионал, – он усмехается. – Тогда веди себя как профессионал. Поставь меня на ноги – и я уйду из твоей жизни. Навсегда.

Слово «навсегда» бьёт под рёбра. Пихаю его в грудь. Чёртову обнажённую и шикарную грудь.

– Я не собираюсь нарушать закон, – говорю ровно. – Хочешь уйти раньше – пиши отказ от лечения. Тебя никто не держит.

– Что?

– Отказ от лечения. По собственному желанию. Подписываешь бумагу – и свободен. Хоть сейчас.

– И ты меняпустишь? – изумляется.

– Это твоё право. Я не тюремщик.

– А если я сдохну на льду?

– Это будет твой выбор. Не мой.

Повисает тишина. Тяжёлая, густая. Он отступает. Опускает руки, отходит к окну.

Теперь я могу дышать.

– Я узнал про Данилу, – говорит вдруг, не оборачиваясь.

Внутри всё сжимается.

– Что?

– Погуглил и увидел. Мне жаль, Ева.

– Мне не нужна твоя жалость.

– Почему ты не сказала?

– А должна была? – голос звенит, но мне плевать. – Должна была позвонить тебе и сказать: привет, мой брат умер, как дела? Мы к тому времени уже семь лет не общались, Амир. С какой стати я должна была тебе что-то рассказывать?

Он поворачивается. На лице – что-то странное. Не злость. Что-то, похожее на боль.

– Я бы приехал.

– Что?

– Если бы ты позвонила. Если бы сказала. Я бы приехал.

В горле встаёт комок, глаза жжёт.

– Мне не нужно было, чтобы ты приезжал. Мне нужно было, чтобы ты...

Осекаюсь.

– Что? – он делает шаг ко мне. – Чтобы я что?

– Неважно.

– Ева.

– Неважно, – повторяю жёстче. – Это было три года назад. Данилы больше нет. Ты здесь ни при чём.

– Я был при чём, когда мы были вместе. Он был твоим братом. Почти стал моим.

– «Почти» не считается.

– Тогда что считается?!

Голос срывается на крик. Мы оба замираем, повисает тишина. Он явно и сам такого не ожидал.

– Мне пора, – говорю наконец. – Домой.

Он усмехается – криво, невесело.

– Домой. Тебя кто-то ждёт?

Молчу.

– Парень? – он склоняет голову набок. – Муж? Хотя нет. Точно не муж. Ты же до сих пор Волжанская.

– Я оставила свою фамилию, – отвечаю ровно. – И да. Меня ждёт муж.

Ложь срывается с языка раньше, чем я успеваю подумать. Глупая, детская, ядовитая.

Его лицо меняется. Что-то тёмное мелькает в глазах – и исчезает. Челюсть каменеет.

– Муж, – повторяет медленно.

– Да.

– Поздравляю.

– Спасибо.

– Тогда не смею задерживать, – он отходит к окну, отворачивается. – Иди к мужу, Ева.

Голос ледяной. Спина напряжённая.

Я должна уйти. Прямо сейчас. Развернуться и выйти.

– Окончательные результаты будут завтра утром, – говорю в его спину. – Обсудим дальнейшую тактику.

Не отвечает.

Выхожу.

В коридоре пусто и тихо. Дохожу до ординаторской, хватаю сумку, пальто. Руки дрожат. Почему руки дрожат?

Вызываю такси уже на улице. Вечерний воздух холодный, пахнет морем и выхлопами машин. Нормальный город, нормальный вечер. Всё нормально.

Такси приезжает через семь минут. Сажусь на заднее сиденье, называю адрес. Водитель – пожилой дядька с радио на какой-то ретро-волне – не пытается разговаривать. Спасибо...

Еду и смотрю в окно.

Муж меня ждёт...

Господи, какая же я дура.

Дом встречает темнотой и тишиной. Поднимаюсь на третий этаж, открываю дверь.

– Гуля, – зову тихо. – Ты где?

Тишина.

Потом из спальни выплывает она – рыжее толстое чудовище с мордой, выражающей все-ленское презрение. Смотрит на меня так, будто я прислуга, которая опоздала на три часа.

Я действительно опоздала на три часа.

– Ну что, муж... – вздыхаю, – пойдём, тебя покормлю.

Гуля мяукает – требовательно, возмущённо – и направляется на кухню, задрвав хвост. Иду следом.

Кухня маленькая, но уютная. Включаю свет, достаю банку с кормом. Гуля крутится под ногами, орёт так, будто не ела неделю.

– Ну ты прям королева драмы, – говорю ей. – В кого такая?

Ставлю миску на пол. Она набрасывается на еду. Сажусь на табуретку, смотрю на неё.

Толстая. Наглая. С выражением вечного недовольства на морде.

Когда я взяла её из приюта два года назад, она была худая и злая. Шипела на всех, царапалась, пряталась под диван. Потом отъелась, обнаглела и решила, что квартира – её, а я – обслуживающий персонал.

Имя я выбрала не сразу. А потом поняла, кого она мне напоминает, и кошка стала Гулей. Гульнаррой.

Приглашаю вас в ещё одну классную историю нашего моба)

Роковая терапия для двоих

<https://litnet.com/shrt/dylz>

Глава 6. Именинница.

Амир

Десять лет назад

Букет цветов за охуенные деньги, золотая подвеска в бархатистой коробочке. Я потратил весь спонсорский гонорар за пять минут, и чё-то даже не жалею.

Её днюшка не в ресторане, не в кафе. Дома. У них дома. Кто там будет – хер знает.

Данила встречает меня у подъезда, жмём друг другу руки.

– Я думал, что это был прикол, – говорит он, осматривая меня с ног до головы.

Выгляжу я как важная задница, при пиджачке. Такое редко увидишь, вообще-то. Спортивные шмотки – вот мой имидж.

– Почему прикол? Я что, от быстрого траха должен отказываться?

– Быстрый трах, говоришь? – смотрит на цветы, на бархатную коробку в руке. – Не похоже... Ну ладно, пошли.

Поднимаемся с ним на пятый этаж сталинки. Квартира большая, со старой мебелью. Такой... раритетной.

– Разувайся, – говорит Данила. – Вот тапки.

Скидываю ботинки, засовываю ноги в пушистые тапочки.

– Ну пойдём, – указывает взглядом на дверь впереди.

Та отворяется, и выглядывает... именинница. Волосы распущены – светлые, почти белые, до лопаток. Голубые глаза смотрят с удивлением. Платье простое, синее, но сидит так, что я забываю, зачем пришёл.

Нет, помню. Быстрый трах. Спор выиграл – забираю приз.

Только вот приз смотрит на меня и хмурится.

– Дань, это кто? – обращается к брату.

– Мой друг, – Данила хлопает меня по плечу. – Амир. Я говорил.

– Не говорил.

– Значит, забыл. Амир, это Ева. Ева, это Амир. Он хоккеист, мы вместе... ну в одной лиге. Он в «Легионе».

– В «Легионе»? Так вы же в разных командах, – она шурится. – И вроде как соперники, получается.

– Соперники на льду, но не в жизни же, – я протягиваю ей букет. – С днём рождения.

Она смотрит на цветы. Потом на меня. Потом снова на цветы.

– Это мне?

– Нет, бабушке. Конечно тебе.

Данила давится смехом. Ева сверлит меня взглядом – но букет берёт.

– Спасибо. Проходи, раз пришёл.

И я, конечно, прохожу.

Гостиная большая, с высокими потолками и люстрой, которая помнит, наверное, ещё Сталина. Длинный стол, накрытый белой скатертью. Салаты в хрустальных вазочках, пироги на блюдах. Пахнет домашней едой и чем-то цветочным.

За столом – несколько человек. Какие-то девчонки, видимо, подруги. Парень в очках ботанского вида. И старушка во главе стола – сухонькая, с седыми волосами, собранными в пучок, и взглядом, от которого хочется встать по стойке смирно.

– Бабуля, это Амир, – говорит Ева. – Друг Данилы.

Старушка смотрит на меня оценивающе. Как будто рентгеном просвечивает.

– Хоккеист? – спрашивает она.

– Да.

– Сотрясения были?

Эм, что?

Недоумённо моргаю. Странный вопрос для знакомства. Но, судя по её тону и взгляду, я должен ответить честно.

– Да, было одно. В прошлом сезоне.

– Симптомы какие были? Тошнота, головокружение, светобоязнь?

– Бабушка, – Ева закатывает глаза. – Хватит. Он гость, а не пациент.

– Я просто спрашиваю. Профессиональный интерес.

– Она – военный врач, нейрохирург, – шепчет мне Данила. – В отставке. Привыкай.

Я смотрю на старушку с нового ракурса и с большим уважением. Рапортую:

– Тошнота была. Головокружение тоже. Прошло за две недели.

Она кивает, будто я сдал экзамен.

– Садись, мальчик. Будем есть.

Сажусь между Данилой и какой-то подругой Евы – та смотрит на меня, как на торт, и хихикает. Ева ставит букет в вазу и садится напротив.

– Красивые цветы, – говорит бабушка. – И дорогие, судя по всему.

– Бабуля! – выпучивает глаза Ева.

– Что? – она разводит руками. – Я просто констатирую. Мальчик потратился.

Мне нравится эта бабка. Реально нравится.

– А что в коробочке? – спрашивает подруга-хихикалка, кивая на бархатный футляр, который я всё ещё сжимаю в руке.

Блин. Забыл отдать.

– Это... – смотрю на Еву. – Тоже тебе. Подарок.

Она выгибает одну бровь.

– От друга брата? Не слишком ли?

– В самый раз.

Протягиваю коробку. Она не берёт.

– Открой, – давлю на неё взглядом.

– Ты серьёзно?

– Очень.

За столом повисает тишина. Все смотрят на нас. Данила пинает меня под столом, типа – ты чё творишь? Бабушка прищурилась.

Ева медленно берёт коробку. Открывает. Внутри – тонкая золотая цепочка с подвеской. Маленькая звезда с крошечным бриллиантом в центре.

– Это... – Ева поднимает на меня глаза. – Но это же не золото, правда?

– Нет. Фольга от шоколадки. Конечно, золото.

– Я не могу это принять, – захлопывает коробку.

Лицо моё нервно вздрагивает. Неприятно...

– Почему не можешь?

– Потому что мы незнакомы!

– Так давай познакомимся.

Она открывает рот, закрывает. Снова открывает.

– Ты... ты вообще кто такой?

– Амир Сафин. Хоккеист. Нападающий. Забиваю голы и разбиваю сердца.

Данила стонет и закрывает лицо руками. Подруга-хихикалка заходится смехом. Ботаник поправляет очки и смотрит с осуждением.

А бабушка... бабушка улыбается. Едва заметно, краешком губ.

– Нахальный, – говорит она. – Мне нравится.

– Бабуля! – почти взвизгивает Ева.

– Что? Мужчина должен быть нахальным. Иначе какой от него толк?

Ева краснеет. Щёки розовые, глаза сверкают. Злится.

Красивая, когда злится.

– Ладно, – она отодвигает коробку на край стола. – Спасибо за подарок. Но я всё ещё не понимаю, зачем ты здесь.

– Затем, что хочу с тобой познакомиться.

– Зачем?

– Затем, что ты мне нравишься.

За столом повисает неловкая тишина. Она смотрит на меня. Я смотрю на неё. Все остальные смотрят на нас.

– Ладно, – говорит бабушка, хлопая ладонью по столу. – Хватит гляделки устраивать. Пирог стынет. Ева, разрежь, пожалуйста. Данила, а ты налей нам вина. Мальчик-хоккеист, ты оливье будешь?

– Буду, – говорю, не отводя взгляда от Евы.

Она отворачивается первой. Но я успеваю заметить – она улыбается. Еле-еле, краешком губ. Как бабушка.

Наши дни.

Открываю глаза.

Потолок белый, свет тусклый. В голове – тупая боль и воспоминания, которые лучше бы не всплывали.

Муж.

У неё муж.

Переворачиваюсь набок, смотрю в окно. Ночной город мерцает огнями. Где-то там она – с мужем, в своей жизни, из которой я вычеркнут уже десять лет.

Достаю телефон. Свет экрана бьёт по глазам. Набираю Макса.

– Алё? – голос сонный. – Сафин, три часа ночи, ты ёбнулся?

– Пробей мне кое-кого.

– Чего?

– Человека одного. Пробей.

– Какого человека?

– Мужа Евы.

Повисает долгое шокированное молчание.

– Сафин, – говорит Макс осторожно, – ты уверен?

– Пробей.

– Ладно. Как его зовут?

– Не знаю.

– Фамилия?

– Не знаю. Может, её фамилию взял. Может, свою оставил.

– То есть ты хочешь, чтобы я нашёл мужика, про которого ты не знаешь ничего, кроме того, что он женат на твоей бывшей?

– Да.

– Охуенная задача.

– Справишься.

– Сафин...

– Макс. Просто сделай это.

Он вздыхает.

– Ладно. Завтра.

– Сегодня, – поправляю я.

– Сегодня – это уже завтра, придурок. Дай поспать. Утром займусь.
Отключается. Кладу телефон на тумбочку и снова смотрю в потолок.
Муж.

Десять лет.

Она жила, встречала кого-то, влюблялась, выходила замуж. Пока я...

Пока я что? Я тоже жил. Тоже встречал. Тоже пытался забыть.

Не получилось, что ли?

Закрываю глаза. И вижу её – ту, двадцатилетнюю, в синем платье с рассыпавшимися по плечам светлыми волосами и со злыми голубыми глазами. «Ты вообще кто такой?»

А потом – она же, но сегодняшняя, тридцатилетняя. В белом халате, со строгой причёской и холодным взглядом. «Муж меня ждёт».

Две разные женщины.

Одна и та же.

И я до сих пор...

Нет.

Хватит.

И ещё одна новинка нашего классного моба

Невеста без прошлого от Насти Орловой

<https://litnet.com/shrt/-301>

Глава 7. Жжение.

Ева

Утро начинается с кофе из автомата и изучения медицинской карты.

Сажу в ординаторской, листаю документы Сафина словно в первый раз. Папка заметно подраспухла. Появились новые бланки, данные с поступления.

Вчерашний вечер до сих пор саднит где-то под рёбрами. «Муж меня ждёт»... Господи, какая же я идиотка! Но работа есть работа.

Первая страница. Данные пациента, дата поступления, предварительный диагноз. Вторая страница.

Стоп.

ЭКГ.

Хмурясь, перечитываю. Электрокардиограмма снята в приёмном покое. Заключение: синусовый ритм, норма.

Сердце в норме. Отлично. Но какого чёрта ему вообще делали ЭКГ? Он поступил с сотрясением мозга. Удар в голову, потеря сознания. Стандартный протокол – КТ, МРТ, неврологический осмотр. При чём тут сердце?

Листаю дальше. Протокол осмотра в приёмном. Так, так, так...

«Жалобы при поступлении: головная боль, тошнота, светобоязнь. Со слов сопровождающих – кратковременная потеря сознания после удара. Со слов пациента – жжение в грудной клетке перед потерей сознания».

Жжение в грудной клетке.

Перед потерей сознания.

Откладываю карту. Смотрю в стену.

Это меняет дело.

Сотрясение – ладно, тут всё понятно, лечится покоем и временем. Но жжение в груди перед обмороком – это может быть что угодно. Аритмия. Стеноз. Кардиомиопатия. У спортсменов такое бывает – сердце работает на износ, а потом раз – и всё.

Почему мне об этом не сказали?

Встаю, хватаю карту и иду искать дежурного врача приёмного покоя. Нахожу в коридоре. – Виктор Андреевич, – подхожу к нему.

Он у нас молоденький, лет двадцать пять. Сейчас с мятым лицом и кофейным пятном на халате. С ночной смены, видимо.

– Вы принимали Сафина позавчера?

Он моргает.

– Хоккеиста? Да, я.

– Почему в карте ЭКГ?

– Так он жаловался на...

– Жжение в груди, я видела. И что дальше?

– ЭКГ в норме, – он пожимает плечами. – Решили, что это от удара. Или стресс.

– Решили? Кто решил?

– Ну... я.

Смотрю на него. Он ёжится.

– Вы кардиолога вызвали?

– Нет.

– Холтер назначили?

– Нет.

– ЭхоКГ?

– Нет, но...

– То есть пациент жалуется на жжение в груди перед потерей сознания, а Вы сняли одну ЭКГ и решили, что этого достаточно?

Он краснеет.

– У него было сотрясение. Это приоритет. И кардиограмма чистая...

– Кардиограмма показывает состояние на момент снятия. Пароксизмальную аритмию она не поймает. Гипертрофическую кардиомиопатию тоже.

– Я...

– Спасибо, – обрываю его. – Вы мне очень помогли.

Разворачиваюсь и ухожу. За спиной – его растерянное сопение.

Иду по коридору, стуча каблуками. В голове – список обследований, которые нужно назначить. МРТ грудного отдела, ЭхоКГ с доплером, холтеровское мониторирование, может, даже стресс-тест...

Толкаю дверь в его палату. Амир стоит посреди комнаты. Одет – джинсы, футболка. На кровати – собранная сумка.

– Ты куда? – спрашиваю резче, чем планировала.

Он поворачивается. Глаза красные. Не спал, что ли?

– На тренировку.

– Какую, к чёрту, тренировку?

– Лёгкую. Команда ждёт.

– Ты в своём уме? – захлопнув дверь, прислоняюсь к ней спиной. – У тебя сотрясение. Тебе нельзя нагрузки.

– Лёгкая тренировка – это не нагрузка.

– Для твоего мозга – нагрузка.

– Мой мозг справится.

– Твой мозг, – чеканю я, – мне не принадлежит. Но пока ты мой пациент, ты делаешь то, что я говорю. Раздевайся.

Он приподнимает бровь.

– Прямо здесь?

– Сумку под кровать, футболку снять. Мне нужно тебя осмотреть.

– Ты меня вчера осматривала.

– Сегодня новый день.

Мы сверлим друг друга взглядами. Повисает тишина.

– Как муж? – спрашивает он вдруг.

Голос – яд и лезвия. Что-то дёргается в груди.

– Нормально.

– Рад за вас.

– Я тоже рада. Снимай футболку.

Он не двигается.

– А если не сниму?

– Тогда я вызову охрану и заявлю, что пациент пытается сбежать вопреки медицинским показаниям. И позвоню твоему тренеру. И главврачу. Хочешь скандала?

Недовольно поджимает губы и стягивает футболку одним движением. Кидает на кровать.

– Вы довольны, доктор?

– Довольна, – стараюсь не смотреть на его торс. – Садись.

Садится на край кровати. Я подхожу, достаю фонендоскоп.

– Дыши глубоко.

Прикладываю мембрану к груди. Он вздрагивает.

– Холодная, – жалуется Сафин.

– Переживёшь.

Слушаю. Сердце бьётся ровно, ритмично. Шумов нет. Но это ничего не значит.

– Когда у тебя было жжение в груди?

– Что?

– Жжение в груди. Перед тем, как потерял сознание. Ты жаловался в приёмном покое.

Молчит, покусывая губу. А я зачем-то смотрю на его губы, блин.

– Амир.

– Это было один раз, – отвечает резко.

– Один раз – это уже много. Как долго жгло?

– Несколько секунд.

Убираю фонендоскоп. Смотрю на него сверху вниз.

– То есть ты потерял сознание не от удара?

– Нет, от удара. Просто... перед этим было странное ощущение. Думал, показалось.

– Не показалось. Вставай.

– Куда?

– МРТ грудного отдела. Потом ЭхоКГ. Потом холтер на сутки.

– Это ещё зачем?

– Затем, что у тебя может быть проблема с сердцем.

В его взгляде шок и недоверие.

– Я в порядке, – роняет сухо.

– Это мне решать.

– Ева...

– Ева Сергеевна, – огрызаюсь. – Или доктор Волжанская. Как тебе больше нравится.

Он встаёт. Подчёркнуто медленно. Смотрит на меня сверху вниз – он выше, шире, больше. Но я не отступаю.

– Ты злишься, – говорит тихо.

– Я работаю.

– Нет. Ты злишься. Почему?

– Потому что ты – идиот, который собрался на тренировку с невыясненным диагнозом.

Потому что тебе наплевать на собственное здоровье. Потому что...

Осекаюсь.

– Потому что что? – он наклоняется ближе.

– Потому что мне не плевать, – цежу сквозь зубы. – К сожалению. Одевайся. МРТ через полчаса.

Разворачиваюсь и выхожу.

В коридоре – глубокий вдох, глубокий выдох.

Мне не плевать.

Чёрт...

И ещё одна классная история нашего моба!

От Али Драгам

<https://litnet.com/shrt/1gLi>

Глава 8. Её нельзя просто взять.

Амир

Десять лет назад.

Она не купилась.

На подвеску не купилась, на цветы не купилась, на улыбку мою фирменную – тем более. Весь вечер просидела с каменным лицом, разговаривала только с бабкой и подружками, а на меня смотрела, как на пустое место.

Ну почти.

Я же видел, как она косилась. Когда думала, что я не замечаю. Быстрые взгляды, тут же отведённые. Розовые щёки, когда я подкладывал ей салат.

Она заинтересовалась. Просто не хочет показывать. Что ж. Будем брать крепость штурмом.

– Я не умею кататься, – говорит она, стоя у бортика и вцепившись в него побелевшими пальцами.

– Научу.

– Амир, это плохая идея.

– Все мои идеи плохие. Но они работают.

На ней моя старая куртка, потому что её собственная – тонкая, осенняя – для катка не годится. Коньки прокатные, и она зашнуровала их неправильно, пришлось перешнуровывать. Я стоял перед ней на одном колене и чувствовал себя идиотом. Она смотрела сверху вниз и молчала, только дышала часто-часто.

Каток пустой. Договорился с администратором за бутылку хорошего виски – воскресенье, семь утра, кому нахрен нужен лёд в такую рань. Только мне. И ей.

– Давай руку.

– Я упаду.

– Не упадёшь. Доверься.

Она смотрит на меня этими своими голубыми глазами, и у меня что-то ёкает в груди. Светлые волосы выбиваются из-под дурацкой вязаной шапки, щёки розовые от холода, губы обветренные. Красивая. Даже без макияжа и в моей куртке, которая ей на три размера велика.

И доверяется.

Вывожу её на лёд. Она тут же начинает скользить, вскрикивает и вцепляется в меня обеими руками.

– Амир!

– Тише. Я держу.

– Я сейчас упаду!

– Не упадёшь. Смотри на меня, не на ноги.

Она поднимает голову. Глаза в глаза. Близко, очень близко. Я чувствую её дыхание на своих губах.

– Вот так, – говорю тихо. – Держись за меня. Маленькие шаги. Не торопись.

Она делает шаг. Ещё один. Ноги разъезжаются, но я держу крепко, не даю упасть.

– Молодец.

– Не подлизывайся.

– Я не подлизываюсь. Констатирую факт.

Разворачиваюсь, начинаю ехать спиной вперёд, держа её за обе руки. Она охает.

– Ты что делаешь?!

– Катаюсь.

– Ты же не видишь, куда едешь!

– Я этот каток знаю наизусть, с закрытыми глазами могу кататься. Смотри на меня.

Она смотрит. Голубые глаза испуганные и одновременно восторженные. Пальцы сжимают мои руки так, будто от этого зависит её жизнь.

– Амир...

– М?

– Если мы врежемся в бортик, я тебя убью.

– Не врежемся.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я лучший.

Она фыркает, но уголки губ дёргаются вверх. Почти улыбка. Почти.

Едем по кругу. Медленно, плавно. Она начинает расслабляться, хватка ослабевает, шаги становятся увереннее.

– Вот видишь, – говорю. – Не так страшно.

– Страшно, – возражает она. – Просто я смирилась.

– С чем?

– С неизбежной смертью.

Смеюсь. Она улыбается – уже по-настоящему, широко, и у меня что-то переворачивается внутри. Торможу, останавливаю её. Обхожу и встаю сзади.

– Что ты... – начинает она.

Но я уже обнимаю её за талию, прижав спиной к своей груди.

– Так будет проще, – говорю ей в ухо. – Расслабься. Я веду.

Она замирает. Чувствую, как напрягается её тело, как бешено колотится сердце – моя рука лежит прямо под ним.

– Амир...

– Тшш. Доверься мне.

Начинаю двигаться, толкая её вперёд. Она скользит, и я скольжу за ней, не отпуская. Мои руки – на её талии. Её спина – у моей груди. Её волосы пахнут чем-то цветочным, и я наклоняюсь ближе, вдыхая их аромат.

Круг, другой. Её тело расслабляется.

Мне двадцать один год. У меня были девушки. Много девушек. Красивых, доступных, готовых на всё. Но ни с одной из них я не чувствовал себя так... Не знаю, как. Объяснить сложно.

В чём фишка, Ева? Кто ты такая?

Останавливаюсь. Она поворачивает голову, смотрит на меня через плечо. Губы приоткрыты, глаза мягкие, щёки розовые. И я решаю – сейчас. Момент идеальный. Она расслаблена, она мне доверяет, она...

Разворачиваю её к себе, наклоняюсь и целую.

Не спрашиваю разрешения. Не предупреждаю. Просто накрываю её губы своими.

Она замирает. Секунда, вторая... А потом упирается ладонями мне в грудь и толкает. Сильно. Я отшатываюсь, она теряет равновесие. Панически размахивая руками, пытается схватиться за воздух и падает на лёд.

– Какого чёрта?! – выкрикивает она.

– Я...

– Какого чёрта ты творишь?!

Сию на льду – сам не заметил, как сел – и смотрю на неё. Она злится. По-настоящему злится, не как на дне рождения, когда просто делала вид. Глаза сверкают, щёки горят, руки сжаты в кулаки.

– Ты что, – говорит она медленно, раздельно, – решил, что я буду с тобой из благодарности? За цветы, за подвеску? За это вот всё?

– Ева...

– Я тебе не приз, Сафин! Я не вещь, которую можно купить!

Встаёт неуклюже. Коньки разъезжаются, она чуть не падает снова, но удерживается. Отталкивает мои руки, когда пытаюсь помочь.

– Катись к чёрту! – бросает через плечо и ковыляет к выходу.

Сию на льду и смотрю ей вслед.

Облажался.

По-полной.

Наши дни.

Аппарат МРТ гудит как взлетающий самолёт, а я лежу в этой трубе и думаю о том, что Ева никогда не была из тех, кого можно просто взять. Ни тогда, ни сейчас.

Гудение прекращается, стол выезжает из трубы.

– Готово, – говорит лаборант. – Сейчас доктор посмотрит снимки.

Сажусь, голова слегка кружится. Может, это не из-за сотрясения. Может, от мыслей.

Дверь открывается, заходит Ева. Белый халат, собранные волосы, непроницаемое лицо.

– Можешь одеваться. Снимки чистые. Сейчас ЭхоКГ.

– И долго ещё? – интересуюсь, натягивая футболку.

– Столько, сколько нужно.

– Это такое наказание – залечить меня до смерти?

Она вскидывает на меня глаза и какое-то время молча смотрит, будто решает – обидеться или проигнорировать.

– Или отпустить не хочешь? – добавляю с ухмылкой.

– Одевайся, – говорит она ровным тоном и выходит.

Одеваюсь, выхожу в коридор. Ева ждёт, стоя у стены, смотрит в телефон.

– Идём, – бросает, не поднимая глаз.

Идём.

Кабинет УЗИ на втором этаже. Ева говорит что-то врачу – женщине средних лет с усталым лицом. Та кивает и поворачивается ко мне.

– Ложитесь на левый бок.

Ложусь, задираю футболку. Холодный гель на грудь – вздрагиваю.

– Терпите, – врача водит датчиком. – Сейчас посмотрим.

Ева стоит рядом, смотрит на экран. Близко. Я чувствую тепло её тела, слышу её дыхание. На экране что-то пульсирует. Моё сердце – бьётся, сокращается, гонит кровь.

– Структура в норме, – бормочет врачиха. – Клапаны работают нормально, фракция выброса хорошая... Патологий не вижу. Сердце здоровое.

– Спасибо, – говорит Ева. – Холтер поставим позже.

Встаю, вытираю гель салфеткой. Ева что-то записывает в карту.

– Так что со мной?

– Пока не знаю.

– Но сердце здоровое.

– Сердце – да. Но это не значит, что всё в порядке.

Она поднимает глаза, смотрит на меня.

– Есть варианты, – говорит. – Обсудим, когда будут все результаты.

– Ева.

– Доктор Волжанская.

– Ева, – повторяю упрямо, – что со мной?

– Я же сказала – пока не знаю. Может быть, паническая атака. Может – невралгия. Может, просто перенапряжение.

– Паническая атака? У меня?

– У спортсменов бывает. Стресс перед важным матчем из-за давления, ожиданий... Тело реагирует.

– Я не паникую.

– Все так говорят.

Она отворачивается и идёт к двери, я – следом. Коридор, лифт, снова коридор – всё молча. У двери в мою палату она останавливается.

– Холтер поставим вечером. Носишь сутки, потом снимаем. И не вздумай никуда сбегать.

– Слушаюсь, доктор.

– Не язви.

– Я не явлю. Я подчиняюсь.

Она хмыкает, почти улыбается – но ловит себя и прячет улыбку.

– Отдыхай. Я зайду позже.

Разворачивается.

– Ева, – окликаю её.

Останавливается. Не оборачивается.

– Передавай привет мужу.

Молчит пару секунд – и уходит быстрым шагом, стуча каблуками по полу.

Захожу в палату, сажусь на кровать. Телефон вибрирует в кармане. Сообщение от Макса: «Пробил. Звони». Набираю.

– Алё, – Макс берёт сразу. – Ну что, хочешь услышать?

– Говори.

Он выдерживает паузу. Драматичную. Сука...

– Нет у неё никакого мужа, – говорит наконец.

– Чего?

– Того. Не замужем. Никогда не была. Я всё проверил – загсы, соцсети, общих знакомых нашёл. Она одна, Сафин. Соврала тебе. Вопрос – зачем?

Хороший вопрос.

– Сафин? Ты там живой?

– Живой.

– И чё будешь делать?

– Ничего.

– В смысле?

– Подожду. Пусть сама скажет.

– А если не скажет?

– Тогда спрошу.

Отключаюсь, откидываюсь на подушку и смотрю в потолок.

Мужа нет. Соврала. Что ж, Волжанская, это всё становится очень интересным.

И приглашаю в ещё одну крутую историю нашего моба Время лечит

Опасное влечение https://litnet.com/shrt/ma_6

Глава 9. Он остаётся моим.

Ева

Кабинет Сергея Борисовича слишком маленький для такого количества людей и такого количества напряжения.

Главврач сидит за столом, листая бумаги с видом человека, который вот-вот получит инфаркт от своих же пациентов. Виктор Семёнович – кардиолог, с седыми усами и вечно спокойным лицом – устроился в кресле у окна и разглядывает снимки на свет.

У стены напротив – двое мужчин в дорожных костюмах. Первый – крупный, седой, с лицом бульдога и тяжёлым взглядом. Лев Родионович Бобров, главный тренер «Легиона». Я узнала его по фотографиям в спортивных новостях. Он молчит, скрестив руки на груди, и хмурится, а взгляд у него такой, что легко может прожечь дыру в стене.

Второй – моложе, лет тридцать пять, подтянутый, в идеально сидящем костюме. Тёмные волосы уложены волосок к волоску, на запястье – часы, которые стоят примерно столько, сколько я получаю за год. Он сразу представился. Филипп Олегович Курган, менеджер клуба. И он единственный тут, кто улыбается. Но улыбка эта мне не нравится – слишком отполированная, слишком отрепетированная.

Мне сесть не предложили. Стою у двери, как провинившаяся школьница.

– Итак, – Сергей Борисович откладывает бумаги. – Ева Сергеевна, объясните мне, почему мой VIP-пациент, от которого зависит наш контракт с хоккейным клубом, до сих пор без диагноза?

– Потому что диагностика требует времени.

– Времени у нас нет, – вмешивается Филипп. Голос у него мягкий, вкрадчивый. – Финал через три дня. Команда нервничает. Спонсоры нервничают. Все нервничают.

– Это не мои проблемы, – выдаю я резче, чем хотелось.

Филипп приподнимает бровь. Тренер Бобров хмурится ещё сильнее, если такое вообще возможно.

– Ева Сергеевна, – Сергей Борисович трёт переносицу, – давайте без этого тона. Жжение в груди, потеря сознания... Это кардиология?

Все смотрят на Виктора Семёновича. Тот неторопливо откладывает снимки, снимает очки, протирает их платком. Никуда не торопится. И слава богу – хоть один нормальный человек в этом цирке.

– Я посмотрел результаты МРТ грудного отдела и ЭхоКГ, – говорит он наконец. – Сердце здоровое. Структура в норме, клапаны работают, фракция выброса отличная. Не вижу причин переводить пациента в кардиологию.

– То есть он может играть? – Филипп подаётся вперёд.

– Этого я не говорил. Я сказал, что не вижу никакой кардиологической патологии.

– Тогда в чём проблема?

– Проблема в том, – вмешиваюсь я, – что у пациента было жжение в груди перед потерей сознания. То, что сердце в норме, не даёт нам права игнорировать этот симптом.

– И что это тогда было? – Сергей Борисович повышает голос. – Человек потерял сознание! У него жгло в груди!

– Вероятнее всего, паническая атака, – отвечаю я. – Или межрёберная невралгия. Стресс перед важным матчем, физическое и эмоциональное перенапряжение. Тело реагирует соматически.

– Паническая атака? – Филипп усмехается. – У Сафина? Вы его видели вообще? Этот человек не знает, что такое паника.

– Все знают, что такое паника, – отвечаю ровно. – Даже те, кто думает, что не знает.

Филипп смотрит на меня с интересом. Не как на врача – как на женщину. Оценивающе, с лёгкой улыбкой. Мне хочется отвернуться, но я держу взгляд.

– Вероятнее всего, – повторяет мои слова главврач. – Мне нужна уверенность, а не вероятности!

– Тогда дайте мне провести холтеровское мониторирование. Сутки записи ЭКГ исключат пароксизмальные нарушения ритма, которые обычная кардиограмма могла не поймать.

– Ещё сутки?! – Сергей Борисович хватается за голову.

– Сутки – это неприемлемо, – качает головой Филипп. – Команде нужен капитан. Финал...

– Финал? – нервно дёргает меня. – Хотите, чтобы ваш капитан умер на льду? Хотите, чтобы клиника отвечала за недостаточное обследование? Хотите судебные иски и заголовки в прессе?

Повисает напряжённая тишина.

Тренер Бобров наконец открывает рот.

– Делайте что нужно, – говорит глухо, тяжело. – Сафин мне нужен живой. Финалы ещё будут.

Филипп поворачивается к нему, явно собираясь возразить, но Бобров смотрит на него так, что тот захлопывает рот.

Виктор Семёнович снова хмыкает в усы.

– Коллега права, – говорит он. – Холтер – разумная предосторожность. Я бы тоже рекомендовал.

Сергей Борисович сверлит меня взглядом ещё несколько секунд, потом машет рукой.

– Хорошо. Сутки. Но через сутки я хочу видеть диагноз, заключение и рекомендации. Чётко, ясно, письменно. Понятно?

– Понятно.

– Все свободны.

Выхожу первой. В коридоре останавливаюсь, прислоняюсь к стене, закрываю глаза на секунду.

Он остаётся моим пациентом.

Я должна чувствовать раздражение. Усталость. Что угодно, кроме этого дурацкого облегчения.

Открываю глаза и иду в кардиологию.

Кабинет функциональной диагностики в конце коридора, рядом – сестринская. Толкаю дверь. Нина Павловна сидит за столом спиной ко мне. Плечи трясутся. На столе – скомканные салфетки, телефон экраном вниз.

– Нина Павловна?

Она вздрагивает, оборачивается. Глаза красные, опухшие, тушь размазана по щекам. Женщине за пятьдесят, двое взрослых детей, внуки – я видела фотографии на её столе. Что-то случилось.

– Ева Сергеевна, – она торопливо вытирает лицо. – Простите, я сейчас... Вам что-то нужно?

– Холтер. Моему пациенту на сутки.

– Да, конечно, сейчас...

Она встаёт, но её шатает, и женщина хватается за край стола.

– Сейчас соберусь, минутку...

– Нина Павловна.

Она замолкает, смотрит на меня затравленно.

– Идите домой.

– Что? Нет, я не могу, у меня ещё три часа смены...

– Идите домой, – повторяю мягче. – Я справлюсь сама. Знаю, куда клеить датчики.

– Вы уверены? Это же не Ваш профиль...

– Уверена. Покажите, где прибор.

Она смотрит на меня растерянно, потом всхлипывает и кивает на шкаф.

– Там. Второй ящик. Электроды отдельно, в коробке справа. Кожу сначала протереть спиртом, чтобы контакт был хороший. Провода закрепить пластырем, чтобы не болтались...

– Я знаю, – перебиваю мягко. – Справлюсь.

– Ева Сергеевна... – она снова всхлипывает. – Спасибо Вам.

Киваю и открываю шкаф. Достāju холтер – маленькую коробочку с проводами, нахожу пакет с электродами, спиртовые салфетки. Не спрашиваю, что случилось. Это не моё дело. У всех свои драмы.

У меня – своя.

Иду к палате Амира. Папка и холтер под мышкой, в кармане – электроды и салфетки.

Толкаю дверь. Он сидит на кровати, листает что-то в телефоне. Поднимает голову, видит меня – и на его лице появляется эта коронная ухмылка. Ухмылочка, от которой десять лет назад весь противоположный пол падал к его ногам.

– Соскучилась? – спрашивает он.

А я начинаю с претензий, как всегда:

– Телефон, Сафин! Тебе нельзя.

– Мне скучно, – и это не звучит как оправдание. – Зачем пришла?

– Холтер, – отвечаю коротко, показывая прибор. – Суточное мониторирование. Будешь носить двадцать четыре часа.

– А поподробнее?

– Это устройство, которое записывает ЭКГ в течение суток. Носишь на себе, живёшь обычной жизнью, а прибор фиксирует все нарушения ритма.

– И для этого ты пришла лично?

– Датчики нужно правильно установить.

– Мм... куда? – взгляд у него становится, как у нашкодившего кота.

– На грудь, – мой голос почему-то садится.

Он улыбается шире и откладывает телефон.

– Ну давай, доктор. Устанавливай.

Подхожу к кровати, открываю футляр с прибором.

– Снимай футболку, – говорю, не глядя.

Шорох ткани. Поднимаю глаза. Он сидит передо мной голый по пояс. Широкие плечи, мышцы, татуировки – всё это на расстоянии вытянутой руки.

– Нравится? – спрашивает с усмешкой.

– Ляг на спину.

– Прямо так сразу?

– Амир.

– Ладно, ладно.

Ложится, закинув руки за голову. Мышцы на груди и животе перекатываются, и я на секунду забываю, зачем пришла.

Датчики. Провода. Работа.

Достаю электроды, спиртовые салфетки. Протираю кожу в нужных местах – справа под ключицей, слева под ключицей, слева внизу. Он вздрагивает от холодной салфетки.

Отклеив защитную плёнку с первого датчика, прикладываю к коже. Мои пальцы касаются его груди – тёплой, твёрдой. Он не двигается, но я чувствую, как под моими руками ускоряется его сердцебиение.

Второй датчик. Третий. Прижимаю каждый ладонью, чтобы лучше приклеился. Кожа у него горячая, я чувствую каждую мышцу, каждый вдох.

Он молчит. Странно...

Поднимаю глаза и встречаю его взгляд. Амир смотрит на меня не с усмешкой, не с вызовом. Просто смотрит. Зелёные глаза тёмные, серьёзные.

– Что? – спрашиваю я, голос звучит хрипло.

– Ничего.

– Тогда перестань пялиться.

– Не могу.

Отвожу взгляд первой. Прикрепляю провода к прибору, проверяю соединение.

– Готово, – выпрямляюсь. – Носишь сутки. Не мочить, не снимать, физические нагрузки минимальные.

– Понял.

Он садится, я отступаю на шаг.

– Завтра сниму прибор и посмотрю результаты.

– Ева.

– Доктор Волжанская.

– Ева, – повторяет упрямо. – Сядь на минуту.

– Мне некогда.

– На одну минуту, – настаивает он.

Стою у кровати. Надо уйти. Прямо сейчас.

Не ухожу.

– Знаешь, – говорит он медленно, – за эти десять лет я ни разу никому не делал предложения.

Сердце пропускает удар.

– Что?

– Предложение руки и сердца. Ни разу. Ни одной женщине.

– Амир...

– Ты отбила у меня желание жениться, – продолжает спокойно, будто о погоде треплется. – Полностью. Наглухо. После тебя сама мысль о том, чтобы надеть кому-то кольцо на палец, вызывает что-то среднее между паникой и тошнотой.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Сам не знаю. Может, хочу, чтобы тебе было больно. Или просто... – замолкает, трёт лицо руками. – Не знаю, Ева. Не знаю.

Надо что-то сказать. Объяснить, извиниться, защититься. Но я просто разворачиваюсь и выхожу.

В коридоре почти врезаюсь в... Филиппа. Он пытается поймать меня за талию, но я отшатываюсь.

– К пациенту сейчас нельзя, – говорю автоматически. – Он отдыхает.

– А я к Вам, – улыбается он.

– Ко мне?

– К Вам, Ева Сергеевна. Хотел спросить... Вы не заняты сегодня вечером?

Заторможенно моргаю.

Что?

– Я работаю, – мямлю, почему-то смутившись.

– А после работы? Может, выпьем вместе кофе? Или поужинаем?

Он смотрит на меня с интересом, с лёгкой улыбкой. Ухоженный, нормальный. Его можно даже назвать симпатичным.

Но мне это неинтересно. О чём я ему и сообщаю.

– Нет, никакого кофе и ужина. Всего хорошего.

Обхожу Филиппа и иду дальше. Он поворачивается по мере моего движения, не сводя с меня взгляда, и говорит мне вслед:

– Я настойчивый, если что.

Закатываю глаза.

Ой, прям напугал.

И ещё одна новинка нашего моба)

Бывший, реанимируй нашу любовь

<https://litnet.com/shrt/8fZG>

Глава 10. Дождь и надежды

Амир

Десять лет назад

Целую неделю я штурмовал эту крепость.

Цветы – отправила обратно с курьером. Записку даже не открыла, судя по невскрытому конверту.

Потом номер её выбил у Данилы. Тот сопротивлялся, но я умею быть убедительным. А толку-то? Три звонка – три сброса. Два сообщения – ни одного ответа.

Короче... всё. Не моя история.

Сижу в гостиной загородного дома Макса, музыка орёт так, что вибрирует пол. На коленях – две девицы, блондинка и брюнетка. Обе модельной внешности, обе пьяные, обе лезут целоваться.

Нормально. Так и должно быть. Это моя жизнь.

Блондинка – кажется, её зовут Кристина или Карина, не помню – прижимается сильнее, шепчет что-то на ухо. Вроде что-то пошленькое... А мои мысли снова текут совсем не в том направлении.

Ева Волжанская. Студентка меда. Девятнадцать лет. Голубые глаза, которые смотрят так, будто видят насквозь. И губы... Холодные от морозного воздуха на катке, когда я их целовал.

«Я тебе не приз, Сафин!»

Ты не приз, Ева. Ты какое-то помешательство.

Брюнетка дёргает меня за воротник рубашки. Тянет к себе, выпрашивая поцелуй. Блондинка гладит по плечу.

– Сафин! – орёт Макс с другого конца гостиной. – Данила припёрся! И он не один!

Поворачиваю голову. Данила стоит в дверях. А рядом с ним...

Блять!

Ева... В простом светлом платье, с распущенными волосами, без макияжа. Смотрит по сторонам. Видит меня – и замирает.

Я тоже замираю. С двумя девками на коленях. Одна из которых как раз пытается засунуть язык мне в ухо.

Лицо Евы каменеет.

Скидываю девиц, встаю.

– Э! Ты куда? – возмущаются обе.

Не отвечая, иду к двери. Но Ева уже отвернулась, уже уходит куда-то вглубь дома.

Данила перехватывает меня на полпути.

– Даже не думай, – говорит он злобно.

– Отойди, – дёргаю плечом, скидывая его руку.

– Она – моя сестра, Сафин.

– Я знаю, кто она. И у нас был договор. Не нарушай условий, будь мужиком.

Волжанский с бычьим упрямством продолжает стоять на моём пути.

– Тебе баб, что ли, мало, Сафин?

– Мало. Особенных – вообще ни одной.

– А она для тебя типа особенная, – недоверчиво хмыкает. – Если бы она не пришла, ты бы гнал эту «особенную» пургу вон тем барышням, – кивает на моих недавних подружек. – А потом бы шпиллил обеих.

Он меня утомил. К тому же я потерял Еву из виду, и это бесит.

– Данил, иди нахер, – бросаю со скучающим видом и обхожу его.

– Она тебе не игрушка. Оставь её в покое! – говорит уже мне в спину.

Прохожу через всю гостиную и осматриваюсь. Ну и где ты, моя недотрога?

Ищу глазами светлые волосы. Не нахожу. Музыка орёт, кто-то ржёт, Макс травит анекдоты.

– А Волжанский чё без тёлки? Зачем сестру привёл? – кричит кто-то.

– А ему тёлки не дают! – подхватывает другой. – Вот сестру и выгуливает.

Все ржут. Данила отшучивается, но я вижу, как напрягается его спина. И краем глаза замечаю, как в дальнем углу мелькает светлое платье – Ева направляется к выходу. Иду следом.

На улице дождь. Не мелкий, морозящий, а настоящий ливень, прям стеной. Притормозив на крыльце буквально пару секунд, Ева спускается по ступенькам и идёт к дороге.

Без зонта. Без куртки.

Выхожу за ней. Дождь обрушивается на меня, рубашка моментально промокает.

– Ева! – выкрикиваю я.

Не оборачивается. Идёт вдоль дороги, вытянув руку – пытается поймать проезжающую машину. Та не останавливается. А дальше дорога пустая. Три часа ночи, загородный посёлок.

Догоняю. Иду прямо за её спиной.

– Ты промокнуешь и заболеешь.

– Не твоё дело, – бросает через плечо. – Иди в дом. Повеселись лучше.

– Мне и тут весело.

Она ускоряет шаг. Я тоже.

– Ты чё устраиваешь? – хватаю её за локоть, останавливаю. – Можно же просто вызвать такси.

– А я гуляю, – вырывает руку.

– Под ливнем? В три ночи?

– Именно.

Стоим друг напротив друга. Дождь хлещет по лицам.

– Скажи как есть, – говорю ей. – Я тебе нравлюсь, и ты ревнуешь.

Она смеётся. Зло, хрипло.

– Даня оказался прав. Он привёл меня сюда, чтобы показать, какой ты на самом деле.

– Даня – идиот. Он меня совсем не знает.

– Да? – скрещивает руки на груди. Мокрое платье липнет к телу. – И какой ты, Сафин?

Я не сразу соображаю, что ответить. А она выпаливает:

– Вот и я о том же!

И, резко развернувшись, идёт в обратную сторону.

– Нормальный я! – выкрикиваю ей в спину. – Две руки, две ноги, башка и член!

Она оборачивается. На лице – тонна разочарования.

– Понятно. Без сердца.

– Сердце тоже есть. Слушай, – хватаю её руку, прижимаю ладонь к своей груди. – Бьётся.

Она замирает. Смотрит на меня широко раскрытыми глазами, но не отнимает. Её рука под моей ладонью маленькая, холодная.

– Отпусти, – говорит тихо.

– Нет.

– Амир...

– Я не такой, как ты думаешь. Ты нарисовала себе неправильный образ. Эти девки – они ничего не значат.

– Так скажи мне, кто ты, – её голос дрожит. – Если не мудака и не бабника, то кто?

– Парень, который не может перестать о тебе думать, – слова вылетают раньше, чем успеваю прикусить язык. И меня несёт дальше: – С того самого дня рождения. Ты преследуешь меня даже во сне.

Она долго молчит. Дождь льёт, кажется, даже усиливается.

– Ты говоришь это всем девушкам, – шепчет наконец.

– Нет.

– Я не верю тебе.

– И не надо. Просто дай мне шанс. Один. Поужинай со мной. Если после этого скажешь «отвали» – отвалю.

Улыбается еле заметно, краешком губ.

– Обещаешь?

Качаю головой, смеюсь.

– Надеюсь, что ты не попросишь меня отвалить.

Наши дни

Просыпаюсь от вибрации телефона.

Темно. На часах – три ночи. Провода этого прибора, как его там, неприятно скользят по груди. Подношу телефон близко-близко к глазам. Сообщение от Макса: «Не спишь?»

Набираю ему и сонно мычу в трубку:

– Что тебе надо в три ночи?

– Не спится, – Макс хмыкает. – И у меня есть кое-что интересное.

– Про мужа я уже слышал. Точнее про его отсутствие.

– Не про мужа. Про брата.

Сажусь на кровати.

– Что про брата?

– Данила Волжанский. Я копнул глубже. Знаешь, отчего он умер?

– «После продолжительной болезни». Так в некрологе было.

– Ага. Продолжительная болезнь. Знаешь, как она называется?

– Как?

– Передоз, Сафин. Героин. Он сторчался.

Ээ... Что?

Ещё одна новинка нашего крутого моба))

Приглашаю! <https://litnet.com/shrt/MJik>

Глава 11. Деревяшка.

Ева

Десять лет назад

Зачем я сюда пришла?

Стою перед дверью его квартиры. В руках – бутылка вина.

Дурацкая идея. Надо было отказаться. Но я здесь.

Звоню. Дверь открывается почти сразу. Амир в простой чёрной футболке, в джинсах, босиком. Волосы влажные и растрёпанные, а улыбка широкая, обезоруживающая.

Чёртовы ямочки...

– Пришла, – говорит он.

– Передумать ещё не поздно?

– Поздно. Заходи.

Это квартира-студия. Небольшая, но с огромным окном во всю стену с видом на ночной город. Минимум мебели – кровать, диван, стол. И здесь же кухонный уголок, откуда пахнет чем-то невероятно вкусным.

– Ты готовишь? – не скрываю удивления.

– А ты думала, закажем пиццу?

– Честно? – смотрю парню в глаза. – Да.

Он хмыкает. Забирает у меня вино, кивает на стол.

– Садись. Через пять минут всё будет, – подмигивает.

Я... почему-то не верю ему. Не верю его интересу к моей скромной персоне. Но сажусь. Потому что пришла вывести Амира на чистую воду.

Ну зачем я ему?

Оглядываюсь. На стене – ключка с автографами. На полке – несколько кубков, фотография его команды. Я-то думала, он хвастаться начнёт, понтоваться. Но кубки пылятся на полке, будто ему всё равно.

Амир возится у плиты. Широкая спина, татуировка выглядывает из-под рукава. Мышцы перекатываются под тканью, когда он переворачивает что-то на сковороде.

Отвожу взгляд. Не пялся, Волжанская. Ты здесь, чтобы доказать себе, что он обычный мудака. Один ужин – и всё станет ясно.

– Держи.

Передо мной появляется тарелка. Стейк, паста, какой-то соус.

– Сам готовил? – уточняю я.

– Нет, эльфы помогали.

– Смешно.

– Ешь давай.

Беру вилку, нож. Отрезаю кусочек мяса, кладу в рот.

Чёрт... Вкусно. Реально вкусно.

– Ну? – он садится напротив, смотрит выжидающе.

– Съедобно.

– Съедобно, – передразнивает. – Да ты просто тащишься, признай.

– Много о себе думаешь, Сафин.

– В самый раз о себе думаю.

Начинает есть и сам, но я вижу – следит за мной. За каждым движением. Это напрягает. И почему-то одновременно греет.

– Расскажи о себе, – говорит он вдруг.

- Что рассказать?
- Всё. Почему медицина. Любимый цвет. Короче, всё.
- Молчу. Он ждёт. Терпеливо, не давит.
- Родители погибли, когда мне было пятнадцать, – говорю наконец. Сама не знаю, почему именно об этом. – Автокатастрофа. Нас с Данилой забрала бабушка.
- Он не отводит взгляда. Не говорит «соболезную» или «как жаль». Просто слушает.
- Бабушка – нейрохирург, – продолжаю я. – Военный врач. Жёсткая, как сталь. Таскала меня в госпиталь с детства. Учила читать снимки, пока другие дети в куклы играли.
- Поэтому медицина?
- Да. Хочу понимать, как там всё работает. Почему люди делают то, что делают.
- И как? Понимаешь?
- Не всегда.
- Он усмехается.
- А меня понимаешь?
- Тебя – в последнюю очередь.
- Я обожаю твою честность, Ева.
- Разливает вино по бокалам. Поднимает свой.
- За честность.
- Чокаемся. Делаю глоток. Вино хорошее, вкусное.
- Теперь ты, – говорю я. – Рассказывай.
- Что рассказывать? Всё и так есть в интернете.
- Мне плевать на интернет. Рассказывай по-настоящему.
- Он молча смотрит на меня. Долго. Будто решает, что именно мне можно поведать.
- Отец отвёл меня на хоккей в пять лет, – говорю наконец. – Я ненавидел игру поначалу. Холодно, жёстко, больно. Но потом втянулся.
- Почему?
- Потому что это было единственное место, где я мог злиться. Бить. Выигрывать. И за это не наказывали, а хвалили.
- Злиться на что?
- Он крутит бокал в пальцах.
- На всё. На то, что денег не было. Что мать пахала на трёх работах. Что пацаны во дворе считали меня чуркой и лезли в драку.
- Чуркой. Слово бьёт по ушам.
- И ты дрался?
- Ещё как. Пока тренер не сказал: хочешь бить – бей на льду. Там это называется «жёсткая игра», а не «хулиганство».
- Он говорит это спокойно. Без жалости к себе, без надрыва. Просто факты.
- Ты один в семье?
- Нет, ещё два брата. Тимуру пятнадцать, Кариму десять. Мелкие ещё. Тимур тоже на коньках гоняет.
- Он улыбается. Мягко, тепло. Первый раз вижу его таким.
- А Карима в хоккей пока не берут, он шуплый слишком. Братишка бесится.
- Ты их любишь, – улыбаюсь я.
- Они – мои. Конечно, люблю.
- Простые слова. Но от них что-то сжимается в груди.
- Данила говорил: Амир поверхностный, думает только о себе. Что он бабник. Данила врал? Или Амир врёт сейчас?
- Потанцуем? – он вдруг встаёт, протягивает руку.
- Что?

– Танец. Ты, я, музыка.

– Здесь нет музыки.

Он достаёт телефон, тыкает что-то. Из колонки льётся медленная мелодия.

– Теперь есть.

– Я не умею танцевать.

– А я буду вести.

Не знаю, как у него это получается, но я вдруг беру его за руку. Он поднимает меня и притягивает к себе – близко, но не вплотную. Ладонь ложится на талию. Тёплая, большая.

Кацаемся под музыку. Медленно. Почти не двигаясь. Его дыхание щекочет висок. Сердце стучит как бешеное.

– Ева.

– Что? – поднимаю голову, чтобы взглянуть в его лицо.

– Я тебя сейчас поцелую, – говорит он.

– Опять без разрешения?

– Нет. С предупреждением.

Его лицо близко. Зелёные глаза тёмные, зрачки расширены.

– А если я скажу «нет»?

– Тогда не поцелую.

– А если скажу «да»?

– Тогда поцелую. Так что ты скажешь?

Нервно прикусываю губу.

Что сказать? Это ведь просто поцелуй, не больше.

Да?

– Да, – шепчу я.

Его губы мягко накрывают мои. Не так, как на катке – жадно и нагло. А медленно, осторожно, будто я хрустальная.

И меня ведёт...

Цепляюсь за его плечи. Он углубляет поцелуй, язык скользит по моей нижней губе. Впускаю. Вкус вина, тепло, его запах. Руки скользят по спине. Большие ладони, горячие даже сквозь одежду. Прижимает к себе сильнее, и я чувствую его твёрдое тело.

– Амир... – выдыхаю ему в губы.

Он целует шею. Губы обжигают мою кожу, и колени слабеют.

Его руки забираются под свитер... Пальцы на голой коже...

И тут меня накрывает паника.

Деревяшка. Скучная. С такой невозможно быть.

Упираюсь ладонями ему в грудь.

– Стой.

Он замирает мгновенно. Руки застывают на моей талии, но Амир не убирает их.

– Стой, – повторяю. – Я... не могу.

Отступает на шаг. Дышит тяжело. Смотрит на меня. Не злится, не раздражён. Просто ждёт.

– Прости, – выдавливаю я. – Это не ты виноват.

– А кто?

Чёрт! Ну не могу я ему такое рассказать.

– Ева.

– Никто, – бросаю резко.

Разворачиваюсь, отхожу к окну. Обнимаю себя руками.

Ты идиотка, Волжанская. Самое время бежать отсюда, пока со стыда не сгорела.

Амир уже за моей спиной, но не касается. Чувствую его дыхание, оно щекочет макушку.

– Я же должен как-то корректировать своё поведение с тобой, – произносит неуверенно.
– И я пока не сильно понимаю, что происходит.

Стыдно ужасно, но я всё-таки шепчу:

– Был один человек. До тебя. Он... – голос застревает в горле. – Он сказал, что я...

– Что?

Слово не идёт. Застряло, словно кость.

– Деревяшка! – выплёвываю наконец. – Сказал, что мне скучно в постели. Что я лежу, как деревяшка. Что с такой, как я, невозможно быть.

Я не рассказываю о том, что он был моим первым парнем. Что полгода уговаривал меня заняться сексом. Что у нас был всего один раз, а потом я услышала вот такой вердикт. Деревяшка.

Оборачиваюсь, чтобы посмотреть в лицо человеку, на которого сейчас произвела умопомрачающе ужасный эффект.

Дура.

Выражение лица Амира, сначала недоверчивое, быстро меняется. Что-то тёмное появляется в глазах.

– Имя.

– Что? – кажется, я глохну.

– Имя этого мудака, – чеканит жёстко.

– Зачем тебе?

– Хочу найти и сломать ему челюсть.

– Амир...

– Имя, Ева.

– Господи... – дёргаюсь в сторону. – Да никому ничего не надо...

Амир ловит меня за плечи. Потом берёт моё лицо в ладони.

– Этот тип – конченный. Он не умеет обращаться с женщиной и не знает, что такое «медленно» и «нежно». То, что он сказал – его собственная ущербность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.